

60 лет со дня снятия блокады

В железных оковах блокады Николай Михайлович Рюмин - ветеран Беловского ЛОВДТ, подполковник юстиции в отставке, оказался подростком.

Родился он в 1929 году в Ленинграде. Его детство прервала Великая Отечественная война. После гибели близких от голода 12-летнего подростка переправили вместе с другими детьми-блокадниками на Алтай. Но события, пережитые им в те суровые годы, навсегда остались в его памяти тяжелыми воспоминаниями. Он делился о пережитом со своими товарищами, друзьями... Эта тема нашла отражение в его стихах.

Н.М. Рюмин много лет проработал в Беловском ЛОВДТ. Вышел в отставку подполковником милиции. Вот уже несколько лет нет на этой земле Николая Михайловича, но память о нем продолжает жить.

Ж ИЛИ мы - моя мать, ее сестра (тетя Паша) и я в однокомнатной квартире в доме по Советскому проспекту (ныне Суворовскому), недалеко от Смольного.

Самый длинный день в году - 22 июня 1941 года запомнился мне (да и всем моим сверстникам тоже), как говорится, на всю оставшуюся жизнь.

Ничто с утра не предвещало страшного события. Утром я как обычно - а были каникулы - отправился в свой любимый Таврический сад, благо, находился он в пяти минутах ходьбы от дома. День выдался ясный, солнечный. В саду было полно народу. Работали все аттракционы, всюду продавалось эскимо и лимонад. На эстрадной площадке красноармейский оркестр исполнял для танцующих популярные в те годы танго, вальсы, фокстроты, среди них и любимую мою "Рио-Риту". Потом выступил известный певец Ефрем Флак с романсами и ариями.

Наступила пора обеда, я возвращался домой, и тут заметил, что люди вдруг стали собираться у репродукторов, которые тогда были установлены на каждом углу. И вот слышу: "Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза!" У репродукторов все замерли, затаили дыхание. А дальше: "Германия вероломно напала на Советский Союз".

Известие всех ошеломило: ведь не прошло еще и двух лет со дня подписания советско-германского пакта о ненападении! Навсегда запомнились слова по радио: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!"

И день будто померк, все, что было до этого, ушло в далекое прошлое.

События стремительно развивались. Особенно удручало то обстоятельство, что наша славная и непобедимая Красная Армия отступала. Через неделю враг был уже в Минске, захватил половину Прибалтики, Западную Украину,

ЛЕНИНГРАД сильно изменился за эти несколько дней. Во всех окнах на стекла наклеивали крест-накрест бумажные полоски на случай воздушных бомбардировок. Чердаки очищали отхлама, белили суперфосфатом, на них и во дворах устанавливали бочки с водой, ящики с песком, противопожарные щиты с необходимым инвентарем: баграми, топорами, ведрами, лопатами, ломом. Для ленинградцев это не было новшеством: такие мероприятия уже проводились осенью 1939 года с началом советско-финской войны.

Уже тогда многие ленинградцы, в том числе и мы, школьники, учились пользоваться противогазом, распознавать боевые отравляющие вещества, тушить зажигательные бомбы, оказывать первую медицинскую помощь при ранениях и отравлениях, пользоваться газомомбуежниками и многое другое. Все навыки сейчас пригодились.

Ленинградец, блокадник, поэт и... милиционер

(Из воспоминаний Николая Рюмина)

В июле стали поступать сводки об угрожающем положении под Ленинградом. Срочно начали эвакуировать детей и тех жителей, которые согласились выехать. Наша семья отказалась: мы не верили в возможную сдачу Ленинграда немцам.

К концу августа 1941 года Ленинград оказался в кольце окружения с севера - финскими войсками и с юга - немецкими.

Строго соблюдалась светомаскировка. Ухудшилось продовольственное снабжение, с прилавков исчезли товары первой необходимости: соль, спички, керосин, мыло, сахар, мясные и рыбные продукты, ситец, обувь. В основном их скупили спекулянты и те жители города, которые помнили первую мировую войну и первые годы революции и разрухи.

До сентября немцы не предпринимали серьезных воздушных налетов на город. Воздушные тревоги объявлялись, но быстро наступал отбой. В бомбоубежища мы почти не ходили.

О ДНАКО вскоре все изменилось. ...К вечеру объявили воздушную тревогу, но никто в бомбоубежище не спустился. И вот, как раз над Советским проспектом, по направлению к Смольному, в небе показались немецкие бомбардировщики. Шли они звеньями по три машины, на небольшой скорости, все небо вокруг них было покрыто барашками зенитных разрывов, но самолеты продолжали лететь, что меня очень удивило: как можно уцелеть в такой гуще разрывов? И вдруг вспыхнули яркие, как от автогенной свечи, разноцветные - красные, фиолетовые, оранжевые всполохи. Это падали зажигательные бомбы. Немцы швыряли их касетами по несколько десятков штук.

И странное дело - никто не был напуган, все жители нашего двора, а это были в основном женщины и мы, подростки, бросились на чердак и к тем местам двора, где падали зажигалки, каждый по своему расписанию. Хватали искрящиеся бомбы длинными щипцами и совали их в ящик с песком, либо просто сыпали песок прямо на них. В воду бросать зажигалки было бесполезно, они горели еще более интенсивно (термит, которым их начиняли, не боялся воды). Так поступали и в других домах. Таким образом, первая зажигательная атака немцев на город не удалась.

Но через некоторое время налет повторился, и несколько фугасных бомб упало на крупное красивое здание неподалеку от Смольного, на углу улицы Красной конницы и Советского проспекта, построенное недавно. Там помещался ранее какой-то институт, а начала войны разместились госпиталь. Его мы называли "Кировским домом". От мощного взрыва в здании вспыхнул пожар, раненые, кто в чем, завернутые в простыни, одеяла, а кто и просто в нижнем белье, стали выскакивать из окон. Зрелище было жутким. Поскольку наши дома были неподалеку от "Кировского дома", мы видели все. Пожарные команды, несмотря на многочисленные усилия, не смогли унять пожар, и здание сгорело дотла.

Но и эта беда не пришла одна. Не успело заняться зарево пожара над "Кировским домом", как возникло новое, с стороны Зоосада: горели "Американские горы", знаменитый аттракцион, а затем повалил густой дым, охвативший полностью: это запольхали Бадаевские склады - надежда города, где сосредотачивались основные продовольственные запасы города. Горели мука, сахар, масло, которые текли ручьями по земле. Уцелели бы склады, не было бы ленинградской блокадной трагедии, унесшей более шестисот тысяч жизней...

С этого дня налеты немецкой авиации приняли массовый характер, сопровождаясь частыми пожарами и большими разрушениями. Продовольственное снабжение резко ухудшилось. Занятия прекратились почти во всех школах, так как часть учеников и преподавателей эвакуировались, многие школьные здания были разрушены или сожжены.

В те годы в большинстве домов города было печное отопление, дрова поступали по Ладоге и Неве на баржах. Война прервала эти поставки. На топливо стали разбирать заборы, старые сараи, битые деревянные дома на окраинах.

Перестали работать бани, парикмахерские, кино и театры, библиотеки.

К декабрю 1941 года город замер. Перестал действовать водопровод, замолчало радио, только объявляло воздушную тревогу и отбой, в перерывах отсчитывал секунды знаменитый блокадный метроном. Передачи имели место в исключительных случаях, напри-

мер, когда сообщалось о разгроме немецких войск под Москвой в начале декабря. Оно вселяло новую надежду в наши сердца.

В декабре наступил кризисный момент в снабжении Ленинграда продовольствием. Я стал получать 125 граммов, тетя Паша, как иждивенец, столько же, мать - 250 граммов. Хлеб был сырой, тяжелый, зелено-коричневого цвета. Хорошо еще, что булочная помещалась в нашем доме. Давали еще немного крупы, сахара (по несколько сот граммов на месяц). Начался голод. Стали умирать мно-

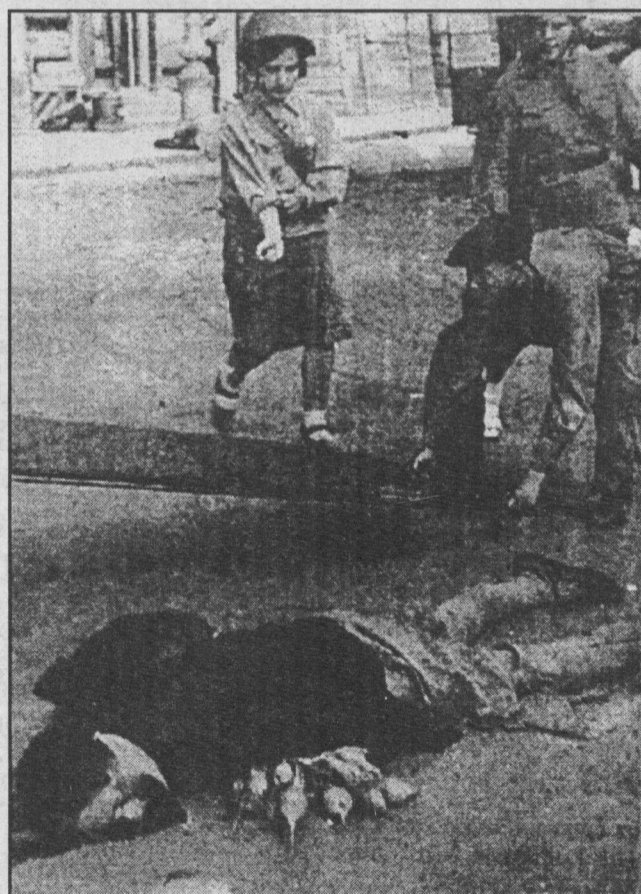
кровавой дизентерией, и 28 февраля 1942 года я отвез ее на саночках с помощью подружки мамы, в известную в городе Боткинскую больницу ("Боткинские бараки"). Навещал ее через каждые два дня, чаще не мог, так как больница эта была расположена далеко, трамвай (да и никакой транспорт) не ходили, улицы были в снежных сугробах (чистить снег было некому).

Последний раз я зашел 7 марта, справился у дежурной сестры о здоровье мамы, мне ответили, что ей стало лучше. Когда же пришел 9 марта, то мне сказали, что мама умерла.

Дальше все было как во сне. Я двигался автоматически, не вникая в то, что делаю. Когда это отупение немного прошло, я спросил, где смогу увидеть тело мамы. Мне ответили: "Иди, мальчик, во двор, там много трупов, может, и найдешь свою маму". Действительно двор был весь завален обмякшими трупами, скорчившимися в самых причудливых позах. Я обошел весь двор, присматриваясь к лицам, переворачивать же я их не мог. Мамы среди трупов не нашел. Тут я увидел большой корпус больницы, зашел туда и увидел, что вся лестница, ведущая на верхние этажи, также завалена трупами. Я даже не смог добраться по ним до площадки второго этажа и прекратил поиски тела. В больнице выдали справку о смерти. Я

гителители нашего дома, соседи. Не все могли схоронить своих близких, и часто на улицах, во дворах лежали трупы.

В ЯНВАРЕ 1942 года, когда заработала "Дорога жизни" через Ладогу, нормы выдачи по карточкам повысили, и к апрелю мы стали получать хлеба вдвое больше против декабрьского. Однако истощение делало свое, и добавки не спасли сотни тысяч ленинградцев. Пик смертей, как раз пришелся на февраль-март 1942 года. Не миновал он и нашу семью.

Страшная правда голодного города: крысы не таясь набрасывались на погибших.

Моя мама - Серафима Ивановна Рюмина работала стрелком военизированной охраны в трамвайном парке им. Смирнова. Как она могла еще нести такую службу в морозы, голодную, уму непостижимо. К концу февраля она заболела

вернулся домой, сказал тете о смерти мамы, та ответила: "Теперь и мой черед!"

13 марта скончалась и моя тетя - Праксovia Ивановна. Я остался один в темной промороженной квартире, где крысы нагло бегали по моей постели.

На следующее утро пришла мама подруга, тетя Надя, она зашила тело тети Паши, уже обезображенное крысами, в половик, мы положили его на санки и повезли на ближайшее кладбище.

Ехали долго. Везти было очень трудно, все улицы были забиты сугробами. Когда привезли, то оказалось, что хоронить негде и некому. Тело тети Паши положили в общий штабель, сложенный из привезенных и не похороненных трупов.

После смерти тети Паши тетя Надя Чернова предложила мне пока пожить с ней, в общежитии трамвайного парка. Я переночевал у нее, а когда пришел на свою квартиру, чтобы собрать кое-что из вещей, то обнаружил, что дверь квартиры открыта, на полу разбросаны вещи. Что именно было похищено, я точно не знал, так как в основном вещи хранились в сундучках мамы и тети Паши.

После этого, забрав из квартиры свои детские вещи и книги, я перебрался к тете Наде в общежитие.

К весне налеты немецкой авиации стали реже, зато начался артиллерийский обстрел города.

С НАСТУПЛЕНИЕМ весны город ожил. Заработал водопровод, можно было сходить в баню, в парикмахерскую, дали электричество, радио начало регулярные передачи. Стали очищать улицы от снега и грязи, убирать и хоронить трупы. На улицы выходили все, кто мог поднять лопату и метлу. В середине апреля пошел трамвай - это было радостное событие для всех жителей города. Немного улучшилось снабжение, нашлись такие суррогаты продовольствия, как жмыхи самых разнообразных сортов (конопляный, льняной, гороховый, подсолнечный), соя, из которой делали молоко, сметану, творог. С прошлогодних пригородных капустных огородов собирали опавший лист, - хряпу, и готовили из нее щи. Из крапивы, лебеды, пекли лепешки. Для борьбы с цингой использовали хвойный отвар из еловых и сосновых иголок.

Появились такие экзотические продукты, как кокосовое масло, яичный желток, комковой шоколад, их выдавали в основном детям по карточкам. Заработали в летнее время школы.

Я глубоко признателен тете Наде Черновой, приютившей меня в столь тяжелое время. Но я не мог более злоупотреблять ее добросердечием и решил уйти в детдом. Получив туда направление от районного отдела народного образования, поступил в 28 школьный детский дом. А уже 8 августа началась эвакуация нашего детдома в Сибирь. На машинах нас доставили на вокзал, оттуда поездом привезли на берег Ладожского озера, где красноармейцы стали грузить пожитки детдома на катер.

Все с беспокойством поглядывали на небо, ожидая налета немецких самолетов, но обошлось. Мы выгрузились на восточном берегу Ладоги, уже на Большой Земле, не занятой врагом. Оттуда поездом через Тихвин и Вологду нас повезли на Алтай, где потом по Оби пароходом, а затем машинами нас доставили в районное село Крутиху, где и пробыли до конца войны. Но в свой родной Ленинград я уже не вернулся, так сложилась судьба.

Николай РЮМИН.
1995 год.
(Подготовила
Анна КАЙКА,
наш вештатный
корреспондент).